

звался в путивальской челобитной 1626 г.: «и по твоей государеве земли серед бортовых ухожев литовския люди во многих местех столпы ставляют и на лютныя лета своих людей накликают и бортовая деревья на се-литбу секут».⁶⁵

Приведем, наконец, перечень слов, бытующих в курско-орловских говорах, в области, примыкающей к интересующей территории, которые нами отмечены ранее также в качестве параллелей к лексике «Слова о полку Игореве»: «галица» (галка, птица вообще), «каять» (укорять, порицать), «комонь» (конь), «лелеять» (везти, нести), «ашалманить» (шеломить) от «шеломень», «смага» (копоть, жар), «щекотать» (щебетать).⁶⁶ Употребительное в «Слове» название «лада» присутствует в производном образовании «ладушка», которое встречаем в старинной песне, записанной в начале XX в. в бывшей Новгород-Северской земле:

Батюшка, батюшка! Бьеть мне ладушка,
Он ни плеткаю, а все тятивкаю,
А сями хвастов, аб дивяти узлов (л. 3).⁶⁷

О муже-ладе поется и в одной из курских песен.

[Вдова] Пра первая ладу спаминая:
Ой ты свает, мая ладушка пярвая!
За табою я живала, ни гарывала.⁶⁸

«Если бы мы были уверены, — заявляет П. Я. Черных, — что „Слово о полку Игореве“ было сложено и записано на северской территории (Новгород-Северский, Путивль, Курск), мы могли бы считать „северизмами“ XII в. некоторые слова, неизвестные в других памятниках, характерные только для этого памятника. Напр.: болонь (не: болонье) — изменное поречье: „у Пльсьнска на болони“; лада — супруг, возлюбленный: „възлелый ... всю ладу къ мнѣ“ и т. д.; яруга — овраг, ущелье: „волци грозу въсрочать по яругамъ“ (в настоящее время — только в южнорусских говорах, по Далю: тул., юж.)».⁶⁹ Противопоставление слов «болонь» и «болонье» едва ли является состоятельным, поскольку образование «(на) болони» — при условии вынесения «н» из строки в положении перед йотом, что было довольно характерно для письменности XV—XVI вв. — легко возводится к начальной форме «болонье», а не «болонь». По поводу всего приведенного заявления можно сказать следующее: документально установленные «северизмы» XVI—XVII вв. в краю, не испытавшем в более раннее время смены неродственных этнических групп, правомерно считать и «северизмами» XII—XIII вв.

Подведем некоторые итоги.

В старых текстах, приуроченных к иным русским областям, насколько известно, встречаются отдельные, одинокие параллели к лексике «Слова о полку Игореве», но такого комплекса параллелей, как связанный с Северской землей, они не заключают. Истоки лексического своеобразия поэмы, за вычетом книжных элементов, восходят к языковой стихии именно этой области. Мнение о данной области как родине «Слова о полку Игореве» получает, с нашей точки зрения, известное обоснование.

⁶⁵ ЦГАДА. ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 79, л. 24.

⁶⁶ См.: С. И. Котков Слово о полку Игореве. (Заметки к тексту).

⁶⁷ В. Шафранов. Материалы для изучения местного говора в с. Расторге Дмитровского уезда Курской губернии, 1908 г. — Рукопись под этим названием, за № 119, хранится в Словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде.

⁶⁸ См.: М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904, стр. 84.

⁶⁹ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 107.